

то с первого же дня стал его Кавалером и, таким образом, довольно рано мог бы стать его Гроссмейстером. У него были два брата, оба старшие его: нынешний герцог и тот, кого называли маркизом дез-Иль-д'Иер; этот был белокур. Г-н де Бассомпьер говаривал: «Уж про него не скажешь, что он скроен не на мой лад». Я уже упоминал, что их мать отличалась чрезмерной стыдливостью. Сей белокурый юнец говорил, что хочет стать кардиналом, дабы опередить своего брата: он был честолюбив, но глупо погиб на охоте. Упав с лошади, он запутался ногою в стремях * и был убит ударом копыта в голову. После его смерти родители изменили свои намерения, и нашего Мальтийского рыцаря решено было предназначить для духовной карьеры. И вот он становится аббатом в Бюзе; так называлось одно из аббатств в Бретани. Сутана ему подходила больше, нежели шпага, если не по его праву, то во всяком случае по его обличку, которос я выше описал. Лицо его, однако, было отнюдь не глупым; в чертах его сквозило даже что-то горделивое.

Отец Кардинала храбростью не отличался, г-н де Гиз презирал его, и это послужило отчасти причиною ожесточения, с которым Герцог ополчился на него, утверждая, что Генерал Галерного флота должен подчиниться Адмиралу Леванта, а Адмиралом этим был г-н де Гиз. Эта мысль так прочно засела ему в голову, что он ни о чем другом не говорил, и кто-то однажды заметил: «Господин де Гиз помешан, но его помешательство не тихое и не буйное, а морское».

Уже на школьной скамье Аббат проявил свой надменный нрав: он не терпел себе равных и частенько ссорился; но с той же поры он выказал себя и щедрым: узнав, что какой-то не знакомый ему дворянин свдит в Шатле из-за пятидесяти пистолей, он нашел способ раздобыть их и послать ему. По выходе из духовной коллегии он стал именоваться аббатом де Рецом, потому что имя де Бюзе слишком напоминало слово *bise*² (в ту пору еще не вошло так в моду именоваться не по названию своей бенефиции; иное дело теперь, когда всякий попик велмчает себя аббатом, а настоящие аббаты так же, как эти попники, принимают свое родовое имя). Де Рец говорил мне, что толстый граф де Ларош-Гийон намеревался оставить ему все свое состояние при условии, что он примет имя и герб рода Силли; что, когда Граф был при смерти, родственники помешали ему вызвать нотариуса. Рассказывая мне это, Аббат говорил, что, будь он военным, он бы хорошо одевался и много бы тратил на платье; я улыбался, ибо с его нескладной фигурой он выглядел бы тогда еще хуже и, я полагаю, был бы ужасным танцором и ужасным наездником, к тому же он по природе веришлив, особенно когда ест, и еще он витает в облаках: за столом ему в насмешку клали на тарелку головку куропатки; он, не глядя, подносил ее ко рту и впивался в нее зубами;

* Меня также тащила лошадь, причем в винограднике, но моему здоровью вреда это не принесло. По счастью, лошадь не брыкалась.